

УДК 343.228 (574)

Р.Е. Джансараева, ²Л. Бисенғали, ³А.А. Базилова*

¹Д.ю.н., профессор, зав. кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КазНУ им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

²Магистр юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КазНУ им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

³Магистр юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КазНУ им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*E-mail: bazilovaa@mail.ru

К вопросу об определении понятия «экономическая преступность»

Данная статья представляет собой результат проведенного авторами комплексного исследования такого социально-правового явления, как экономическая преступность. На современном этапе развития мирового сообщества экономические преступления получают свое развитие, появляются их новые виды, способы совершения. Данные факты не могут не вызывать беспокойства. В связи с наблюдаемыми в преступном мире тенденциями все более острым и актуальным становится вопрос эффективной борьбы с ними, что, в свою очередь, невозможно без детального и всестороннего исследования самой категории «экономическая преступность». В настоящей статье приводятся взгляды различных ученых-правоведов относительно вопроса отнесения конкретных преступных деяний к категории экономических. На основе изучения данных трудов авторами сделаны собственные выводы относительно термина «экономическая преступность».

Ключевые слова: экономическая преступность, хозяйственная преступность, корпоративная преступность, собственность, экономические отношения.

R.E. Dzhansarayeva, A.A. Bazilova, L. Bisengaly
By the question of the definition «economic crime»

This article is the result of the authors' complex investigation of such social and legal phenomenon as economic criminality. Economic crimes develop, their new types appear, methods of crimes are created on the modern stage of the world community development. These facts are alarming for us. The issue of effective struggle with crimes becomes more critical and actual, which in its turn is impossible without detailed and thorough investigation of the category of "economic criminality" itself. Opinions of different scientists-legislators concerning the issue of referring the certain crimes to the category of economic crimes are given in the present article. The authors made their own conclusions regarding the term of "economic criminality" on the basis of examination of these works.

Key words: economic crime, commercial criminality, corporate criminality, ownership, and economic relations.

Р.Е. Джансараева, А.А. Базилова, Л. Бисенғали
«Экономикалық қылмыс» ұғымының түсінігі

Мақалада экономикалық қылмыстарды ғылыми тұрғыдан зерттеу тұжырымдары көрініс тапқан. Әлемде қоғамның дамуына байланысты экономикалық саладағы қылмыстар да көбеюде. Сонымен қатар бұл қылмыстардың түрлері де көбейіп келеді. Бұл, әрине, алаңдатушылық туғызады. Сол себепті экономикалық қылмыстарды жан-жақты зерттей отырып осы саладағы қылмыстармен күресудің тиімді жолдарын іздестіру қажеттілігі туындайды. Бұл мақалада экономикалық қылмыстарға байланысты ғалымдардың көз қарастары көрсетілген. Ғалымдардың көз қарастары зерттеліп авторлармен өздерінің экономикалық қылмыстарға қатысты ой-пікірлері тұжырымдалады.

Түйін сөздер: экономикалық қылмыс, корпоративті қылмыс, жеке меншік, экономикалық қарым-қатынастар.

В связи с переходом к рыночной экономике появились новые виды преступлений, связанных непосредственно с деятельностью, осуществляемой в данной сфере. С начала прошлого века и до настоящего времени в науке не утихают споры относительно определения категории данных преступлений. Ряд ученых считают их хозяйственными, некоторые – корпоративными, другие – экономическими. Ниже мы представляем анализ существующих точек зрения и формируем свое представление относительно сущности данных преступлений.

Существуют различные определения экономической преступности.

Автор специального исследования проблемы экономической преступности в странах с развитой рыночной экономикой Е.Е. Дементьева отмечает, что интерес к данной теме в западной криминологии возник еще в начале XX столетия. В тот период под экономической понималась преступность бедных слоев населения, включавшая кражи и прочие посягательства на собственность, нищенство, бродяжничество. И лишь в середине века начинает формироваться принципиально иной подход, в соответствии с которым экономическими стали считаться преступления так называемых «белых воротничков», а затем в число экономических стали включать и более широкий круг преступных деяний, связанных со злоупотреблением экономической властью [1, с. 12].

Впервые общественность узнала о ней как о феномене «беловоротничковой преступности» из работ американского криминолога Э. Сатерленда. Так, в 1940 годах Эдвин Сатерленд выдвинул концепцию респектабельного «преступника в белом воротничке», обладающего высоким социальным статусом. Согласно ей многие так называемые «белые воротнички» – состоятельные люди – дельцы, политики, чиновники, которые совершают противоправные действия, причиняющие обществу неизмеримо больший ущерб, чем обычные преступники из низших слоев общества («уголовники»). К тому же преступления этой редко судимой части общества часто остаются безнаказанными [2, с. 43].

Э. Сатерленд призвал включить их в предмет исследований криминологов и вести с ними не менее интенсивную борьбу, чем с общеуголовными преступлениями [2, с. 46].

В 1940 году криминолог Г. Кайзер определил экономическую преступность как комплекс правонарушений, совершаемых уважаемыми лицами с высоким социальным статусом в рамках их профессиональных обязанностей и с нарушением доверия, которое им оказывается [3, с. 243].

В годы второй мировой войны проблемы черного рынка в США изучал Маршалл Клайнард, который в период с 1942 по 1945 год работал в Федеральном управлении США по надзору за ценами в Вашингтоне. М. Клайнард видел причины высокой хозяйственной преступности в следующем:

1) прошло три года, прежде чем Правительство США решило выяснить, нарушаются ли и в каких формах законы военной экономики; за это время были изобретены и использованы тысячи новых методов нарушения положений соответствующих законов;

2) менее 25% нарушителей нормативов, которые стали известны, были подвергнуты штрафу; все остальные нарушители отделывались замечаниями или предупреждениями о закрытии предприятий;

3) контроль над соблюдением нормативов был неэффективным, так как для этого не хватало людей вообще, а хорошо подготовленных – тем более, к тому же они выполняли эту работу с большой неохотой. В период с 1942 по 1947 год в США работало в среднем менее трех тысяч чиновников, которые должны были контролировать соблюдение установленных нормативов, однако, контрольных мероприятий проводилось слишком мало, а те, которые осуществлялись, не были достаточно последовательны и эффективны;

4) общественность, парламентарии и судьи проявляли двойственность в своем подходе к соблюдению нормативов и установлению цен. Общественность настойчиво поддерживала эти нормы. Вероятно, лишь очень незначительная часть простых потребителей пользовалась услугами «черного» рынка. Однако деловые люди и предприниматели делали это каждый раз, как только представлялась возможность. Парламентарии, хотя и выступали единым фронтом за нормирование дефицитных товаров и за недопущение подъема цен, но их не устраивал слишком строгий контроль, поскольку они не хотели, чтобы их знакомые «дельцы» предстали перед судом за нарушение соответствующих правил. Судьи в ходе судебных разбирательств отмечали

свое нежелание «делать преступников из уважаемых людей».

Заключая свое исследование, Маршалл Клайнард так оценивал сущность «черного» рынка: по его мнению, это симптом социальной дезорганизации, проявляющийся в том, что общество начинает по-разному воспринимать основные ценности. Человеческие отношения деперсонифицируются, жизненные цели и устремления сводятся только к финансовой выгоде. «Дельцов черного рынка» оправдывают, а их действия не рассматривают как преступные [4, с. 253].

На основе актов и отчетов 25 федеральных ведомств США, осуществляющих контроль за экономической деятельностью, Маршалл Клайнард и Петер Йигер проанализировали в 1980 году хозяйственную преступность на 582 крупных предприятиях. Из них 447 были крупными промышленными предприятиями, а 105 – оптовыми и розничными торговыми предприятиями и предприятиями сферы услуг. Многие из них являлись монополистами в производстве определенного вида продукции; цены они устанавливали при отсутствии конкуренции. Жертвы преступной деятельности таких организаций зачастую даже не подозревали о том, что являлись таковыми. Неоправданные финансовые потери, угроза увечья и ущерба здоровью, загрязнения окружающей среды – вот следствия. В результате проведенного исследования М. Клайнард и П. Йигер установили, что за период с 1975 по 1976 годы от преступных действий владельцев предприятия погибло больше людей, чем от преступлений против жизни, совершаемых отдельными преступниками. Корпоративная преступность не вызывает у людей большого страха [4, с. 251].

В Швеции известный криминолог Б. Свенсон предложил определение экономического преступления как дрящегося, систематического, наказуемого деяния корыстного характера, осуществляемого в рамках хозяйственной деятельности, составляющей саму основу этого деяния [5, с. 25].

В СССР фундаментальные исследования природы экономической преступности периода социализма проводили известные ученые-юристы, как В.А. Образцов, В.Г. Танасевич [6], Б.Е. Богданов [7], А.Н. Ларьков [8], А.М. Яковлев [9].

Экономическая преступность в 80-е и 90-е гг. претерпела значительные изменения, качествен-

ные и количественные. Создание новых форм собственности, функционирование экономики в условиях рыночных отношений, недостаточная правовая урегулированность, интеграция в мировую экономику сопровождаются осложнением криминальной обстановки в ней. Экономическая преступность все в большей мере выступала как прямое проявление и следствие криминализации экономической, а в ряде случаев и политической сфер жизни общества.

В.Н. Бурлаков отмечает, что центральная проблема здесь состоит в выборе критериев квалификации преступлений в качестве экономических и, соответственно, в определении границ социального явления «экономическая преступность». Здесь речь идет о рассмотрении данного явления с криминологических или точнее, социокриминологических позиций. В свете же уголовно-правового подхода границы первичного понятия «экономическое преступление», по мнению ряда отечественных специалистов, вообще вряд ли возможно явно обозначить [4, с. 254].

В специальной литературе можно найти попытки классифицировать существующие подходы к определению круга преступлений, охватываемых понятием «экономические преступления». Например, Г.К. Мишин выделяет три группы различных подходов (позиций). Сторонники первой относят к экономическим все преступления, совершенные с целью получения экономической выгоды (обогащения), и включают в их число без каких-либо ограничений преступления против собственности (имущественные). Сторонники второй – из числа экономических исключают преступления против собственности, не связанные с хозяйственной деятельностью. Представители третьей – признают таковыми лишь преступления юридических лиц (хозяйствующих субъектов) [10, с. 38].

Во-вторых, можно считать экономическими преступления, совершаемые только в сфере экономики. Соответственно, к категории экономических будут относиться как преступные деяния в процессе непосредственного осуществления экономической деятельности, так и не связанные с ней, но совершаемые в границах функционирующей хозяйственной системы. В последнем случае мы будем вынуждены называть экономическими, например, такие преступления,

как хищения на производстве, совершаемые наемными работниками.

Наконец, в-третьих, к категории экономических можно отнести лишь такие преступления, которые совершаются только в ключевом сегменте экономики (системы хозяйствования), связанном с извлечением прибыли, т. е. в сфере экономической деятельности = сфере предпринимательства, бизнеса. При таком подходе в расчет целесообразно брать только преступные деяния самих субъектов этого предпринимательства (бизнеса), совершаемые в процессе непосредственного осуществления ими экономической деятельности.

В целях уяснения сущностной характеристики экономической преступности как социального явления и как криминологического понятия следует привести краткий анализ основных подходов, существующих в научной литературе.

А.М. Яковлев считал, что «своим содержанием это понятие охватывает разнообразные виды причинения вреда охраняемым законом экономическим интересам социалистического государства и граждан» и что основанием для включения преступлений в категорию экономических служит «их связь с конкретными особенностями экономического, хозяйственного механизма».

Экономическая преступность, по мнению А. М. Яковлева, «выражается в совокупности корыстных посягательств на социалистическую собственность, порядок управления народным хозяйством со стороны лиц, выполняющих определенные функции в системе экономических отношений» [9, с. 57].

Это последнее определение наиболее часто цитируется в криминологической литературе либо представляется в качестве некоего клише, общепринятого подхода. Подтверждением тому является позиция авторов ряда учебников по криминологии, изданных в последнее время.

Так, профессор А.И. Долгова дает следующее понятие: «...Экономическая преступность — это совокупность корыстных посягательств на используемую в хозяйственной деятельности собственность, установленный порядок управления экономическими процессами и экономические права граждан со стороны лиц, выполняющих определенные функции в системе экономических отношений» [11, с. 268].

В.Н. Кудрявцевым и В.Е. Эминовым полностью не используется весь алгоритм определе-

ния, данный А.М. Яковлевым, но особо подчеркивается выделенная им отличительная особенность экономических преступлений, состоящая в том, что «они совершаются специальным субъектом, а не посторонними для объекта управления людьми, включенными в систему экономических отношений, на которые они посягают» [12, с.214].

И. И. Рогов указывает, что лишь «хозяйственная деятельность, наказуемая в уголовном порядке, охватывается понятием экономической преступности» [13, с.91]. Иными словами, автор, во-первых, ограничивает сферу экономических преступлений теми деяниями, которые связаны лишь с хозяйственной деятельностью. Во-вторых, ограничивает собственное исследование лишь легальным, уголовно-правовым понятием экономической преступности.

Как видно из определения И. И. Рогова, автор ограничил круг экономических преступлений теми деяниями, которые, во-первых, предусмотрены в уголовном кодексе, во-вторых, осуществляются должностными лицами только государственных или общественных организаций и, в-третьих, связаны с посягательствами на экономическую систему страны.

Отметим несколько важных итогов, представляющих интерес для криминологического анализа изучаемой проблемы.

Во-первых, несмотря на имеющее место в позиции автора нечеткость в определении критериев и малую убедительность аргументов, делается попытка ограничить понятие экономической преступности лишь сферой хозяйственной деятельности (наказуемой в уголовном порядке), а также обособить собственно криминологическое понятие экономической преступности от уголовно-правового.

Во-вторых, осуществлена попытка разграничить понятия «экономическая преступность» и «теневая экономика». Под последней автор понимает «неконтролируемые государством производство, распределение, обмен и потребление товарно-материальных ценностей и услуг», а также «все неучтенные, не регламентируемые соответствующими нормативными документами и правилами хозяйствования виды экономической деятельности». Экономическая преступность названа наиболее опасной разновидностью «теневой экономики», обладающей, как и

всякое уголовно-правовое явление, определенной самостоятельностью.

Дальнейшее развитие категория «экономическая преступность» получила в программной статье на эту тему, опубликованной в 1992 г. А.М. Медведевым. Экономические преступления этим автором определялись «в самом общем виде» как «общественно опасные деяния, посягающие на экономику как на совокупность производственных (экономических) отношений и причиняющие ей материальный ущерб». При этом А.М. Медведев справедливо замечает, что при традиционном подходе к определению объекта преступления (включая и экономическое преступление) как общественного отношения, сами участники последнего во внимание не принимаются. «Между тем, – продолжает автор, – участниками экономических отношений являются конкретные люди, выступающие в роли товаропроизводителей и товаропотребителей, собственников, владельцев, имеющих определенные экономические права и свободы, потребности и интересы, на которые и посягают экономические преступления». «Таким образом, – делается вывод в статье, – можно сказать, что экономические преступления посягают на экономику, права, свободы, потребности и интересы участников экономических отношений, нарушают нормальное функционирование экономического (хозяйственного) механизма, причиняют этим социальным ценностям и благам материальный ущерб» [14, с.81].

Данное определение значительно бы выиграло и в теоретическом, и в прикладном отношении, если бы автор уточнил, на какие права, свободы, потребности и интересы посягают экономические преступления. Иначе получается, что к категории экономических можно отнести и такие преступления, которые не имеют отношения к экономике: например, покушения на свободу слова, собраний, вероисповедания или, допустим, на духовные потребности и интересы граждан.

Наряду с понятиями экономической преступности и экономических преступлений в постсоветской юридической литературе еще не так давно достаточно широко применялось понятие «хозяйственные преступления». В определении содержания данного понятия было много разночтений. Одни авторы, исходя из идеологии советского уголовного законодательства, содержавшего отдельную главу «Хозяйственные

преступления», считали этот вид преступлений самостоятельным.

Другие, наоборот, полагали, что хозяйственные преступления – это разновидность экономических преступлений. Позицию этой группы авторов, разделял, например, Б.В. Волженкин [15], Н. Ф. Кузнецова считала, что экономическая преступность складывается из посягательств на собственность и предпринимательских преступлений (подразумевая под ними все хозяйственные преступления, совершаемые как в государственном, так и в частном секторе экономики) [16, с.12], Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов к преступлениям в сфере экономики относили хозяйственные преступления, наряду с еще двумя категориями – «иными государственными преступлениями, посягающими на экономические интересы нации» и «преступлениями против собственности» [17, с.12].

Последние два исследователя в целом к преступлениям в сфере экономики относили уголовно наказуемые деяния, непосредственно посягающие на основы национальной экономики, отношения по владению, пользованию и распоряжению имуществом, а также на отношения по поводу производства, распределения и потребления товаров и услуг.

К числу же так называемых хозяйственных преступлений они причисляли те деяния, которые посягали на общественные отношения, обеспечивающие интересы хозяйствования.

В связи с происшедшими в нашей стране в 90-е годы принципиальными изменениями в экономико-политическом устройстве и системе социально-экономических отношений определенные трансформации претерпела и система правового регулирования экономической деятельности. Новый казахстанский уголовный закон (УК РК 1997 г.) коренным образом реформировал систему преступлений в сфере экономики, выделив преступления в сфере экономической деятельности в отдельную главу.

Эти изменения подвели черту в споре специалистов по поводу обозначения преступлений в качестве хозяйственных или экономических, переведя первую категорию («хозяйственные») в разряд дефиниций, которыми будут оперировать преимущественно историки криминологической науки.

Пятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушите-

лями (1975 г.) поставил преступность «белых воротничков» в число наиболее опасных, представляющих своеобразную «форму бизнеса». Были сформулированы основные ее черты: осуществление преступной деятельности в целях экономической выгоды; связь с определенными формами организации; использование профессиональной или должностной деятельности; высокое социальное положение субъектов этой преступности; обладание политической властью [18, с.18].

Отсутствие единых критериев в установлении квалификации преступлений в качестве беловоротничковых либо экономических ведет к достаточно произвольному обращению с этими понятиями различных авторов, включающих в состав такой преступности часто несопоставимые виды правонарушений, классифицированные по различным родовым признакам и имеющие отношение к хозяйственной сфере, к сфере экономической деятельности прямое или косвенное, а порою, вообще крайне отдаленное.

Попытки уточнить и расширить понятие беловоротничковой преступности обуславливались, по мнению некоторых криминологов, недостатками традиционных трактовок □ они не охватывали и не учитывали преступлений, совершаемых вне сферы постоянной деятельности правонарушителей и связанных, например, с уклонением от уплаты налогов путем фальсификации декларации о доходах, мошенничеством при купле-продаже земельных участков, недвижимости и т. д. В результате американский криминолог Г. Эдельхертц предложил следующее уточненное определение беловоротничковых преступлений, относимых к категории экономических: «Незаконное действие или ряд незаконных действий, совершенных без применения физических факторов, путем сокрытия или хитрости, с целью получения денег или имущества для деловых или личных выгод» [19, с. 56].

Крайне сложно согласиться с мнением американских специалистов, что сформулированное Эдельхертцем определение наиболее полно и точно отражает существо именно экономической преступности. Данная трактовка, напротив, делает границы изучаемого явления весьма неопределенными. Руководствуясь подобной дефиницией, в состав экономической преступности можно включать правонарушения, вообще не имеющие отношения к экономике и экономиче-

ской деятельности. Например, бытовое мошенничество, связанное с обманом одних граждан другими, когда обе стороны не представляют других интересов, кроме своих собственных, т. е. интересов частных лиц.

Представительный перечень элементов (признаков) беловоротничковой преступности, позволяющий, с точки зрения американских специалистов, с большим основанием относить ее именно к категории экономических правонарушений, был сформулирован на специальных слушаниях в юридическом комитете Палаты представителей США (1979 г.): это – ненасильственные преступления, связанные с совершением обмана, коррупцией или нарушением доверия; совершаемые в области экономики; совершаемые профессионалами из числа тех, кто прибегает к тонким приемам с целью маскировки своих действий под законные [20, с.63].

К середине 80-х годов в криминологической литературе на Западе, как отмечает Г. И. Шнайдер, вместо понятия «беловоротничковая преступность» все чаще употребляются термины «служебные преступления» и «корпоративная преступность». Показательно, что часть специалистов склоняется к пониманию экономической преступности в основном как преступности корпораций [21, с.42].

Заметим, что сам факт выделения в составе экономической преступности группы так называемых служебных преступлений, с включением в нее массы мелких и малозначительных правонарушений, представляется попыткой увести исследования криминальных явлений в экономике в сторону анализа наименее социально значимых видов девиантного поведения рядовых служащих.

Несколько разряжает ситуацию выделение и оставление в составе экономической преступности так называемой «корпоративной преступности» или, в иной транскрипции, преступности корпораций.

Е.Е. Дементьева, обобщая итоги собственного исследования корпоративных преступлений, составляющих основу экономической преступности в странах с развитой рыночной экономикой, дает несколько иную классификацию их видов:

1) преступления, состоящие в злоупотреблении капиталовложениями и причиняющие ущерб компаньонам, акционерам и т.д.;

2) преступления, состоящие в злоупотреблениях депозитным капиталом и причиняющие ущерб кредиторам, гарантам (ложные банкротства, наносящие ущерб кредиторам, мошенничества в области страхования);

3) преступления, связанные с нарушением правил свободной конкуренции (промышленный шпионаж, искусственное завышение или занижение цен);

4) преступления, состоящие в нарушении прав потребителей (выпуск недоброкачественной продукции, влекущий за собой причинение физического вреда потребителям);

5) преступления, посягающие на финансовую систему государства (сокрытие прибыли, уклонение от уплаты налогов);

6) преступления, связанные с незаконной эксплуатацией природы и причиняющие ущерб окружающей среде (загрязнение окружающей среды);

7) преступления, состоящие в махинациях в области социального страхования и пенсионного обеспечения, а также преступления, связанные с сознательным нарушением правил техники безопасности, причиняющие материальный и физический ущерб рабочим и служащим;

8) коммерческие взятки;

9) компьютерные преступления [1, с.43].

В западной криминологии наряду с рассматриваемыми категориями также широко используется и понятие «хозяйственная преступность». Последняя, в свою очередь, часто представляется как составная часть беловоротничковой преступности либо как форма ее проявления.

Необходимо отметить, что в немецкой криминологической литературе обращается внимание на существование в сфере совершения экономических преступлений особого феномена (назовем его виктимо-парадоксом) – «некоторые потерпевшие фактически являются потенциальными преступниками, которым помешали самим совершить преступление».

Рассмотренные выше дефиниции экономической (понимаемой разными авторами по-своему) преступности, содержащие определенный набор черт, перечень составных элементов и признаков, страдают одним главным недостатком – они не позволяют установить четких, ясных и понятных критериев отнесения тех или иных правонарушений к категории экономических и, значит, затрудняют определение четких границ этого явления.

Наличием множественного спектра трактовок понятия экономической преступности, сложностью и многослойностью самого объекта исследования и другими причинами объясняются столь незначительные достижения в сфере правового регулирования борьбы с данным явлением. Стройной концепции уголовного права, касающейся решения вопросов регулирования и легитимизации сферы экономической деятельности, сферы предпринимательства, так и не было выработано.

В этом отношении наиболее продуктивным может оказаться применение узкой трактовки понятия экономической преступности как преступности в сфере бизнеса, сфере предпринимательства. Такой дезагрегированно-ограничительный подход представляется предпочтительнее и перспективнее и в смысле установления эффективного социального контроля.

Подводя итоги, можно выделить следующие признаки экономической преступности, определяющие специфику феномена делинквентного поведения преимущественно в сфере предпринимательства, сфере бизнеса:

1) осуществление в сфере предпринимательства, в сфере бизнеса под прикрытием законной экономической деятельности;

2) осуществление непосредственно в процессе экономической (предпринимательской) деятельности, в ее границах и пределах компетенции;

3) осуществление субъектами предпринимательства (бизнеса);

4) использование криминальных методов присвоения экономических благ в процессе осуществления законной экономической деятельности, паразитирование на хозяйственно-правовых условиях, воспроизводимых официальной (разрешенной) рыночной экономической средой;

5) высокий социальный статус страды предпринимателей и высокий кредит доверия к ней со стороны общества, которые протипуируются бизнесменами-делинквентами, служат им прикрытием для осуществления своей преступной деятельности;

6) анонимность, отсутствие персонификации жертв;

7) отсутствие прямого контакта с жертвой;

8) специфичность и множественность объектов посягательства;

9) специфичность субъектов экономической преступности;

- 10) массовость и типичность преступлений;
- 11) скрытность преступлений;
- 12) корыстный характер преступлений;
- 13) отношение к категории ненасильственных преступлений;
- 14) наличие феномена безразличного, индифферентного отношения общества к экономической преступности.

Таким образом, в данной научной статье проведен комплексный анализ сущности экономической преступности, различных подходов к ее определению в научном сообществе, а также сделаны собственные выводы о том, что же все-таки представляют собой экономические преступления, а также какие основные характеристики ей присущи.

Литература

- Дементьева Е.Е. Экономическая преступность и борьба с ней в странах с развитой рыночной экономикой // Законность. – № 5. – М., 1992. – С. 5-50.
- Сатерленд Э. Преступность белых воротничков. – Нью-Йорк, 1949. – 272 с.
- Кайзер Г. Криминология. Введение в основы. – М., 1979. – 320 с.
- Бурлаков В.Н. Криминология XX век. – СПб., 2000. – 554 с.
- Свенссон Б. Экономическая преступность. – М., 1987. – 467 с.
- Образцов В.А., Танасевич В.Г. О криминалистической характеристике преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып.25. – М., 1976. – С. 94-104.
- Богданов Б.Е. Криминалистика. – М., 1963. – 620 с.
- Ларьков А.Н. Изучение личности расхитителя и предупреждение хищений на предварительном следствии и в суде: автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 1969. – 23 с.
- Яковлев А.М. Социология экономической преступности. – М., 1988. – 256 с.
- Мишин Г.К. Проблема экономической преступности. Опыт междисциплинарного изучения. – М., 1994. – 88 с.
- Криминология: учебник для юридич. вузов / под общ. ред. д.ю.н., проф. А. И. Долговой. – М., 1997. – 484 с.
- Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – М., 1997. – 316 с.
- Рогов И.И. Экономика и преступность. – Алма-Ата, 1991. – 159 с.
- Медведев А.М. Экономические преступления: понятие и система // Советское государство и право. – № 1. – М., 1992. – С.78-88.
- Волженкин Б.В. Экономические преступления. – СПб., 1999. – 312 с.
- Кузнецова Н.Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – М., 1993. – С. 5-23.
- Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики. – М., 1996. – 290 с.
- Изменения в формах и масштабах преступности — международной и внутригосударственной / Рабочий документ Секретариата ООН. – Женева, 1975. – 36 с.
- Экономические преступления в США: понятия, виды, масштабы распространения / Обзорная информация. Зарубежный опыт. ГИЦ МВД СССР. № 11. – М., 1989. – 89 с.
- Hearings before the Subcommittee on Crime of the Committee on the Judiciary. On White Collar Crime. U.S. HR, 1979. – 223 p.
- Шнайдер Г.И. Криминология: пер. с нем. / под общ. ред. и с предисл. Иванова О.Л. – М., 1994. – 502 с.

References

- Dementyeva E.E. Economic crime and struggle with it in the countries with developed market-based economy // Legality. No. 5.–M., 1992. – P. 5-50.
- Saterland E. White-collar crime. – New-York, 1949.– P. 272.
- Kaizer G.Criminology. Basic fundamentals. – M., 1979. – P. 320.
- Burlakov V.N. Criminology XX century. – Saint-Petersburg, 2000. – P. 554.
- Swensson B.Economic crime. – M.,1987. – P. 467.
- Obraztsov V.A., V.G.Tanasevich On criminalistic nature of crimes // Issues of struggle with criminality. Publication 25. – M., 1976. – P. 94-104.
- Bogdanov B.E. Criminal investigation – M., 1963. – P. 620.
- Larkov A.N. Investigation of plunderer personality and prevention of stealing on preliminary hearing and in the court. Synopsis of a thesis of the candidate of legal sciences – M., 1969. – P. 23.
- Yakovlev A.M. Economic crime sociology. – M., 1988. – P. 256
- Mishin G.K. Problem of economic criminality. Multi-disciplinary research experience. – M., 1994. – P. 88.
- Criminology. Text-book for legal higher educational institutions/Under the general editorship of the doctor of legal sciences, professor A.I.Dolgova. – M., 1997. – page 484
- Criminology: Text-book / Under the editorship of V.N.Kudryavtsev, V.E.Eminov – M., 1997. – P. 316.
- Rogov I.I. Economics and criminality. – Almaty, 1991. – P. 159.

Medvedev A.M. Economic crimes: concept and system // Soviet state and justice. No. 1. – M., 1992. – P. 78-88.

Volzhenkin B.V. Economic crimes.– SP, 1999. – P. 312.

Kuznetsova N.F. Codification of the norm on economic crimes // Moscow University Messenger. Series 11. Legal right. – M., 1993. – С.5-23.

Gaukhman L.D., Maximov S.V. Criminal responsibility for crimes in the sphere of economics. – M., 1996. – P. 290.

Changes in the shapes and scope of criminality — international and intrastate / Working document of the Secretariat of the United Nations Organization. – Geneva, 1975. – P. 36.

Economic crimes in the USA: concepts, types, scope of distribution / Background information. Foreign experience. MIC of MIA of the USSR. No. 11. – M, 1989. – P. 89.

Hearings before the Subcommittee on Crime of the Committee on the Judiciary. On White Collar Crime. U.S. HR, 1979. – P. 223.

Shnaider G.I. Criminology: Translation from German. / Under the general editorship and introduction of O.L. Ivanova. – M., 1994. – P. 502.